
ХРОНИКИ КОНФЕРЕНЦИЙ И ЭКСПЕДИЦИЙ

М.М. ФРОЛОВА

(Институт славяноведения РАН, Москва)

**ПАМЯТИ АКАДЕМИКА Ю.А. ПИСАРЕВА
ПОСВЯЩАЕТСЯ:**

**VI НИКИТИНСКИЕ ЧТЕНИЯ. «СЛАВЯНЕ И РОССИЯ.
ПРОБЛЕМЫ ВОЙНЫ И МИРА НА БАЛКАНАХ. XVIII–XXI ВВ.»**

Abstract:

Frolova M.M. *In memoriam: Academician Yu.A. Pisarev. VI Nikitin readings. «Slavic peoples and Russia. Issues of war and peace in the Balkans. Eighteenth–twenty first centuries»*

The article presents a review of the VI Nikitin readings conference, «Slavic peoples and Russia. Issues of war and peace in the Balkans. Eighteenth–twenty first centuries. To the centennial anniversary of Yu.A. Pisarev» which took place in December 2016 in the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences.

Ключевые слова: Никитинские чтения, Институт славяноведения РАН, Ю.А. Писарев, Балканы.

«Жизнь историка скоротечна. Жизнь его, как миг, по сравнению с вечностью и беспредельностью науки, в том числе и истории. Но хотя мы понимаем, что полное воскрешение облика ученого невозможно, бороться с забвением нужно»¹. Эти слова, написанные известным советским историком В.Д. Королюком в память о советском ученом И.С. Миллере и повторенные зав. Отделом истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН С.И. Данченко при открытии конференции «Славяне и Россия. Проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю.А. Писарева», стали ее лейтмотивом.

Конференция состоялась 6–7 декабря 2016 г. в Институте славяноведения РАН и собрала 33 участника: 26 сотрудников Института славяноведения, 5 коллег из МГУ им. М.В. Ломоносова, МГИМО и МГЛУ (Московский государственный лингвистический университет), а также

двух иностранных специалистов, которые специально приехали из Сербии. Среди участников конференции было 7 молодых ученых.

Яркое вступительное слово произнес директор Института славяноведения РАН К.В. Никифоров. Он отметил появление доброй традиции в Институте — чтить память ушедших из жизни сотрудников, много и плодотворно трудившихся на поприще исторической науки, проведением подобных конференций. Далее К.В. Никифоров подчеркнул значимость как самой личности Ю.А. Писарева (1916-1993), так и его научных трудов: он был одним из первых историков, приступивших к изучению прошлого Югославии и международных отношений на Балканах в новое и новейшее время, первым доктором наук, первым членом-корреспондентом (1984), первым и пока единственным академиком (1991), получившим это звание за исследования по югославистике. Он первый написал фундаментальные работы по предыстории и истории Первой мировой войны, первым обратил внимание на необходимость изучать русскую эмиграцию, прежде всего в Югославии, и вступил в переписку с потомками эмигрантов, что в годы до распада СССР было необычно и даже опасно. Ю.А. Писарев сохранил преданность науке до конца своих дней: даже в больнице он продолжал трудиться над очередной монографией. К.В. Никифоров, пришедший в 1982 г. в качестве аспиранта в сектор новой истории балканских народов, которым руководил Ю.А. Писарев, вспоминал о нем с особенной теплотой, отметив его доброжелательность, стремление помочь сотрудникам, уважение к молодым ученым и их мнению.

Особенно обстоятельным был доклад «Юрий Алексеевич Писарев и его балканские исследования», с которым выступила С.И. Данченко, проработавшая вместе с Ю.А. Писаревым в течение 22 лет. Докладчик подробно осветила жизненный и творческий путь ученого и проанализировала его основные труды по ключевым проблемам новой и новейшей истории югославянских народов в контексте современных исследований, что дало ей возможность аргументированно сделать вывод о весомом вкладе ученого в историческую науку. За почти полвека Ю.А. Писарев опубликовал свыше 300 работ общим объемом около 550 п.л. В отличие от большинства советских историков, он считал, что не Октябрь 1917 г., а Первая мировая война являлась главнейшим событием XX века, оказавшим огромное влияние на судьбы стран и народов, и верил, что наступит время, когда Великая война станет самостоятельным объектом глубоких исследований во всем многообразии составляющих эту проблему компонентов. И не ошибся. Ученый обладал немалым литературным даром, что позволило ему создать яркие, запоминающиеся исторические портреты многих государственных, военных деятелей и дипломатов — героев его многочисленных трудов. Будучи фанатиком архивных изысканий,

Ю.А. Писарев много сил и времени отдавал публикации новых документов. Эти труды становились событием в историографии благодаря уникальности обнаруженных в различных отечественных и зарубежных архивах материалов. Он внес свою лепту в историческую науку и как редактор, и как член редколлегии ведущих исторических журналов («Вопросы истории», «Новая и новейшая история», «Советское славяноведение»), как блестящий лектор с энциклопедическими познаниями — в высшей школе (Московский Государственный историко-архивный институт, Московский Государственный педагогический институт им. В.И. Ленина, МГУ им. М.В. Ломоносова) и как ответственный научный руководитель дипломников и аспирантов. Более 30 его учеников, которых Юрий Алексеевич любил и пестовал, защитили кандидатские и докторские диссертации. Ю.А. Писарев, обладавший высоким профессионализмом, широким творческим диапазоном, постоянно фонтанировавший научными идеями, при замечательных его человеческих качествах, оставил светлую память у коллег, которым посчастливилось с ним работать. Труды ученого — это классика югославистики и балканистики.

Воспоминания о Ю.А. Писареве не выделялись на конференции в особый блок, но прозвучали в выступлениях многих ее участников — А.В. Карасева, Т.И. Чепелевской, А.Л. Шемякина, Т.А. Покивайловой и др.

Г.Л. Арш, один из старейших сотрудников Института, ветеран Великой Отечественной войны, после теплых слов о Ю.А. Писареве, своем первом научном руководителе, изложил свой доклад: «Русско-турецкая война 1735–1739 гг. и Балканы», в котором подчеркнул тот факт, что все русско-турецкие войны XVIII в., несмотря на разные театры военных действий, объединяло одно содержание — ожидание многими балканскими народами своего освобождения от турецкого ига. Арш обратил внимание на то обстоятельство, что согласно стратегическому плану, представленному генералом-фельдмаршалом Х.А. Минихом герцогу Э.И. Бирону, в 1739 г. русская армия должна была войти в Константинополь и царица Анна Иоанновна должна была быть провозглашена греческой императрицей, что впоследствии совпало с «Греческим проектом» Екатерины II. В результате войны 1735–1739 гг. среди балканских народов возрос престиж России, который пострадал из-за неудачного Прутского похода Петра I в 1711 г. Война также подготовила те крупные военно-политические деяния эпохи Екатерины II, которые открыли России путь к Черному морю.

Изучение сиджилов (протоколов шариатского суда Османской империи) позволило молодому болгаристу и османисту А.А. Леонтьевой показать русско-турецкую войну 1735–1739 гг. с иного ракурса. В докладе «Сиджилы болгарского города Хаджиоглу-Пазарджик (Добрич) как ис-

точник по истории русско-турецких войн в XVIII в.» ею был представлен широкий спектр сведений, зафиксированных в кадийских регистрах, о жизни этого османского города в тылу русско-турецких войн — набор добровольцев, движение войск, сбор провизии для армии с местного населения, а после заключения мира — перемещение и обеспечение русских пленных, возвращавшихся на родину, обмен двух сторон посольствами в рамках заключенного Белградского мира 1739 г.

Тема русско-турецких войн была продолжена в докладе И.В. Чуркиной «К вопросу об организации восстания славян на Балканах во время Крымской войны 1853–1856 гг.». Автором рассмотрена такая сложная и многоаспектная проблема как опыт русского правительства по привлечению к сотрудничеству болгар и сербов, находившихся под властью Османской империи, во время Крымской войны, а также показана роль известной благотворительницы графини А.Д. Блудовой в попытке организации восстания сербов и болгар с помощью ее агентов — К.Д. Петковича, выпускника Петербургского университета и будущего российского генерального консула в Дубровнике, и М. Протича, сербского государственного деятеля, председателя кассационного суда.

Вторая половина XIX и начало XX вв. стали судьбоносными для народов Балканского полуострова, что обстоятельно, с привлечением обширного документального материала, было показано в докладах М.М. Фроловой, К.В. Мельчаковой, О.В. Соколовской, В.Б. Хлебниковой, П.А. Искендерова, Е.С. Сергеенко, Л.А. Кирилиной.

Греко-болгарская церковная борьба, разгоревшаяся с особой силой после 1856 г., была наполнена конфликтами разной степени остроты между болгарскими, с одной стороны, и греками и греческим духовенством, с другой. В докладе М.М. Фроловой «Греко-болгарский церковный конфликт по-битольски. 1861–1876 гг.» были рассмотрены его особенности в г. Битоле, административной столице Румелийского (Битольского) вилайета Османской империи. В начале 1860-х годов православная община Битолы еще не знала греко-болгарского церковного конфликта. Его возникновению в значительной степени способствовали как католические миссионеры Св. Лазаря, введшие болгарский язык в школьное преподавание и церковно-славянский язык в богослужение, так и русский консул М.А. Хитрово, который стремился пробудить национальное самосознание у болгар города и воспрепятствовать распространению у них униатских симпатий. Впоследствии болгары Битолы получили разрешение на проведение литургии на церковно-славянском языке и на открытие болгарских училищ не в результате борьбы с пелагонийским митрополитом Венедиктом, а благодаря тому, что сумели грамотно воспользоваться обстоятельствами его личного противоборства с богаты-

ми эллинизированными христианами города. Конфликт болгар Битола с новым митрополитом Парфением привел к образованию болгарской общины. Однако конфликты внутри нее тормозили дальнейшее развитие как самой общины, так и дела болгарского просвещения.

Доклад К.В. Мельчаковой «“Воин” на духовном поприще. Сараевский архимандрит Савва Косанович и его поездка в Россию в 1872–1874 гг.» был посвящен малоизученному сюжету из жизни первого боснийца, ставшего дабробосанским митрополитом, Саввы Косановича (1839–1903) — его пребыванию в России в 1872–1874 гг. Путешествие Косановича не ограничилось посещением Москвы и Петербурга, а охватило Саратовскую, Тамбовскую, Казанскую, Нижегородскую, Вятскую, Орловскую и Рязанскую губернии империи. В результате им были собраны средства для завершения строительства православной соборной церкви в Сараеве. Активное участие в организации столь необходимого путешествия архимандрита принимали российский МИД, Св. Синод, славянские комитеты и видные общественные деятели России.

О.В. Соколовская предварила свое выступление «Греко-турецкая война 1897 г. глазами русских моряков» рассказом о Ю.А. Писареве, который, будучи ее научным руководителем еще в студенческие годы, привил ей интерес к истории международных отношений на Балканах, а позже, уже в Институте славяноведения и балканистики, посоветовал заняться историей Греции, в том числе и историей взаимоотношений греческого королевского Дома с моряками Российского военно-морского флота. О.В. Соколовская в своем докладе представила напряженную ситуацию в регионе в конце XIX в., вследствие чего российский флот почти постоянно находился в греческих водах. Наряду со Средиземноморской эскадрой в его составе существовали: Отдельный отряд Средиземного моря и Отдельный отряд судов в греческих водах, что было связано с обострением критского вопроса, из-за которого в конце концов весной 1897 г. вспыхнула «30-дневная» греко-турецкая война. В это время многочисленные суда великих держав постоянно находились в водах воюющих государств, не давая их флотам вступить в бой. И среди них — российский эскадренный броненосец «Император Николай I», часто заходивший в греческий порт Пирей и постоянно находившийся в эпицентре событий. Большой интерес, как отметила О.В. Соколовская, представляют свидетельства командира эскадренного броненосца капитана 1-го ранга Д.Г. фон Фелькерзама и других морских офицеров, которые подробно описали перипетии войны и события тех лет в Греции и на Крите. В Российском Государственном архиве военно-морского флота в Петербурге хранятся донесения, конфиденциальные рапорты и «примечания к строевым рапортам», которые отсылались на имя командующего Средиземноморской эскадрой.

В.Б. Хлебникова в докладе «Мемуары Гавро Вуковича как зеркало черногорской внешней политики в конце XIX — начале XX вв.» охарактеризовала этот исторический источник как весьма ценный и интересный для специалистов, поскольку в нем описаны самые яркие эпизоды дипломатической жизни Черногории в указанный период. Кроме того, это рассказ от первого лица воеводы Гавро Вуковича — министра иностранных дел Черногории (1889–1905 гг.), человека, принимавшего ответственные решения, заметно повлиявшие на судьбу страны. И, наконец, упомянутые воспоминания позволяют составить представление о политической элите княжества-королевства. Воевода Вукович не собирался беспристрастно излагать ход минувших событий. Напротив, он старался донести до читателей свои чувства и предпочтения, оценки и суждения, объяснить мотивы своих поступков. В этой субъективности и откровенности, как в увеличительном стекле, проявляется национальный характер черногорского политика со всеми его сильными и слабыми характеристиками.

Доклад П.А. Искендерова «Балканское измерение международных отношений в Европе в начале XX в.» был посвящен месту и роли Балкан в системе взаимоотношений великих держав накануне Первой мировой войны. В рассматриваемый период именно страны и народы балканского региона находились в одном из ключевых узлов международных противоречий, результировавшихся в конечном итоге в общеевропейской войне 1914–1918 гг. Неслучайно именно на Балканах зачастую не срабатывали принципы внутриблоковой солидарности, а коалиции великих держав по тем или иным региональным вопросам приобретали причудливые очертания и имели особо неустойчивый характер. Это, с одной стороны, облегчало балканским народам достижение собственных государственно-политических целей, но с другой, делало Балканы неизменным «пороховым погребом Европы», каковым они остаются и сегодня.

В докладе Е.С. Сергеенко «Место Косово в албанском национальном движении (конец XIX — начало XX вв.)» анализировались албанское национально-освободительное движение указанного периода и роль Косово в нем. Особое внимание автор уделила деятельности Призренской лиги (1878–1881) и Печской лиги (1899), а также внешнему фактору, оказавшему заметное влияние на это движение.

Л.А. Кирилина в докладе «Особенности национальной и политической борьбы в словенских землях в начале XX в.» затронула ряд аспектов национальной и политической борьбы словенцев, недостаточно изученных в словенской и российской историографии. Речь шла о попытках словенских католиков заключить союз с австрийскими немецкими христианскими социалистами в 1890-х годах и о коалиции крайнских словенских либералов с Немецкой партией в 1896–1905 гг. Оба эти примера

свидетельствовали о том, что на начальном этапе становления словенских политических партий при выборе ими союзников приоритетное значение придавалось не их национальности, а политической ориентации. Однако отказ реальных или потенциальных немецких союзников от поддержки национальных прав словенцев поставил крест на перспективе развития их сотрудничества.

К 100-летию Балканских войн 1912–1913 гг. было приурочено множество научных симпозиумов и конференций, опубликовано значительное количество научных изданий и отдельных статей. И тем не менее, эта тема далеко еще не исчерпана и не потеряла своей актуальности, что продемонстрировали выступления А.В. Карасева и Н.С. Гусева.

А.В. Карасев в докладе «Сербия и Балканский союз 1912 г. в исторической перспективе» отметил, что национальные идеи балканских народов, их стремления к освобождению и объединению в одном государстве в середине XIX в. сталкивались с проблемой неравенства сил балканцев и Османской империи. Осознание этих обстоятельств балканскими политическими деятелями привело к возникновению идеи объединения сил народов Балкан в борьбе за свое освобождение. Первая попытка создать такой союз была предпринята Сербским княжеством во главе с князем Михаилом Обреновичем и Илией Гарашанином в 60-е годы XIX в. В этом союзе принимали участие Сербия, Черногория, Греция, Румыния, а также болгарские и хорватские национальные движения. Однако Балканский союз 1860-х годов не проявил себя в действии из-за колебаний князя Михаила. В начале XX в. главной причиной неудачи этого союза была слабость вооруженных сил Сербии и союзников по сравнению с Османской империей. Геополитическая ситуация на Балканах коренным образом изменилась. Теперь в новом Балканском союзе объединились независимые государства: Сербия, Черногория, Болгария и Греция. Их успехи в модернизации и государственном и военном строительстве изменили соотношение сил. Балканским союзникам в 1912 г. удалось провести молниеносную победоносную войну. На этот раз Балканский союз как способ освобождения еще находившихся в составе Османской империи территорий на Балканах силами самих балканских народов продемонстрировал свою эффективность. Однако когда Турция потерпела поражение, союзникам не удалось договориться о разделе освобожденных территорий, что привело ко Второй Балканской войне между участниками союза.

Иной угол зрения на Балканские войны предложил молодой исследователь Н.С. Гусев в докладе «Профессор И.Д. Шишманов в болгаро-сербской борьбе за русские симпатии в 1912–1913 гг.». В указанный период между болгарами и сербами разгорелась борьба за «благосклонность» русского общества в деле раздела Македонии. Влияние оказывалось по

разным каналам — как публицистами, так и учеными, обосновывавшими историческое и этническое право своей страны на спорные территории. С болгарской стороны таким ученым стал И. Шишманов, сначала пытавшийся влиять на общественное мнение через своего знакомого — П.Н. Милукова, присылая ему для публикации в газете «Речь» свои статьи, и в личной переписке доказывая обоснованность притязаний Софии. В 1913 г. он приехал в Петербург, где принял участие в ряде публичных мероприятий, на которых вступал в споры со сторонниками Сербии и, главным образом, с сербским профессором А. Беличем.

Л.В. Кузьмичева начала свое выступление «Представители сербских правящих династий Обреновичей и Карагеоргиевичей на полях сражений в 1876–1918 гг.» констатацией того, что Ю.А. Писарев одним из первых в отечественной славистике обратился к изучению жизни и деятельности представителей черногорских и сербских династий Нового времени². Это направление получило развитие в современной историографии — как в нашей стране, так и в Сербии. Для понимания особенностей становления и функционирования монархической системы Сербского государства, как подчеркнула Кузьмичева, необходимо проанализировать систему воспитания и образования престолонаследников, в которой важное место занимали военные науки и участие в маневрах. Сербский монарх должен был быть готовым к участию в военных действиях, знать и понимать тактические и стратегические боевые задачи. Непосредственное участие в войнах пришлось принять королю Милану Обреновичу, королю Петру Карагеоргиевичу, принцу-регенту Александру Карагеоргиевичу, его брату Георгию и дяде Арсену. И если Милан Обренович, слабо подготовленный в военном отношении, не проявил в ходе сербо-турецких войн 1876–1878 гг. и особенно сербо-болгарской войны 1885 г. ни личного мужества, ни военного таланта, то Карагеоргиевичи остались в народной памяти как отважные воины. Все они получили достаточно серьезную военную подготовку, участвовали в боях как в своей стране, так и за рубежом, что помогло им достойно выдержать нелегкие испытания Балканских войн и Первой мировой войны.

Т.И. Чепелевская в докладе «Образ России в рукописном собрании словенского писателя Янеза Трдины (1830–1905) “Russica”» подчеркивала, что обнаруженные ею в Словении материалы его наследия позволяют судить о скрупулезной работе писателя по созданию образа России, углублению собственных представлений об историческом прошлом и настоящем народов Российской империи, которые он стремился донести до близкого ему окружения, с уверенностью, что эти знания могут повлиять на направленность деятельности словенцев по выстраиванию собственной жизни.

Проблема Первой мировой войны 1914–1918 гг. по-прежнему привлекает внимание ученых и продолжает вызывать острые научные дискуссии, что продемонстрировал целый блок ярких докладов, прозвучавших на конференции.

О.И. Агансон в докладе «Балканы в 1914 году: сработала ли “Фукидидова модель”?» проанализировала достоинства и недостатки использования популярной в западной историографии концепции «Фукидидова модель» («Фукидидова ловушка») применительно к развитию международных отношений в начале XX в. Экстраполируя на балканскую политику два ключевых принципа, сформулированных древнегреческим историком Фукидидом — борьба ведущих держав за гегемонию и формирование ими военно-политических союзов ради достижения этой цели, — автор подняла проблему регионального измерения функционирования Тройственного союза и Антанты. На примере Июльского кризиса 1914 г. и вариации отношения великих держав к австро-сербскому конфликту было показано значение регионального фактора для возникновения мировой войны. О.И. Агансон пришла к выводу о том, серия ошибочных решений и искаженное восприятие опыта прошлых балканских кризисов руководителями великих держав подготовили в июле 1914 г. условия для того, чтобы «Фукидидова ловушка» сработала в западной части Европы.

В докладе А.Л. Шемякина «Февральская революция в России 1917 г., Корфская декларация и Ю.А. Писарев» указывалось на прямую связь между Февральской революцией в России и подписанием 7 июля 1917 г. Корфской декларации, в которой правительство Сербского королевства и Югославянский комитет, объединивший хорвато-словенских (по большей части) эмигрантов из Австро-Венгрии, выразили свое совместное стремление к созданию единого и независимого государства сербов, хорватов и словенцев во главе с династией Карагеоргиевичей, основанного на главенстве закона и равноправии «трех племен одного народа». До российского Февраля премьер-министр Сербии Никола Пашич пребывал в твердой уверенности, что именно она в конце Первой мировой войны сможет поставить перед союзниками австро-венгерский вопрос во всем его объеме (быть или не быть монархии Габсбургов, а если быть, то в какой форме), защитив при этом интересы его страны. Поэтому он и не желал связывать себя какими-то жесткими обязательствами в отношении Комитета, считая его всего лишь одной из пропагандистских структур сербского кабинета и используя румынскую и итальянскую модель, согласно которой Рим и Бухарест сами представляли своих соплеменников из Дунайской монархии. Когда же Петроград фактически «вышел из игры», Пашичу пришлось перестраиваться на ходу: в лице Югославянского комитета был найден новый союзник, а Корфская декларация имела

целью поставить австро-венгерский вопрос перед правительствами стран Антанты, теперь уже от имени нового политического тандема. А.Л. Шемякин подчеркнул, что Ю.А. Писарев подробно не занимался поисками такой связи. Его больше интересовала революция Октябрьская (что вполне объяснимо для советской эпохи) и ее влияние на ход войны в целом и на Балканах, в частности. Однако вопросы взаимоотношений сербских властей и Югославянского комитета находились в сфере его внимания. Более того, отдельные их нюансы (например, проявления нелояльности Комитета к воюющим сербам) были описаны им более объективно, чем то, как это представлено в национальной — ранее югославской, теперь сербской — историографии.

Я.В. Вишняков в докладе «Сербия в Первой мировой войне. Новые подходы, новые источники» показал вклад Ю.А. Писарева в изучение данной проблематики. В частности, автором был сделан акцент на оценку деятельности организации «Черная рука» при рассмотрении сараевских событий лета 1914 г. Я.В. Вишняков уделил особое внимание дневникам и донесениям русского военного агента в Сербии В.А. Артамонова — важному источнику при анализе как состояния сербской армии, так и внутривнутриполитического положения страны в 1914–1917 гг.

В.Б. Каширин в докладе «Боевые действия в Добрудже в 1916 году: русские против болгар» сформулировал проблему, очертил пространственно-хронологические рамки и общую фактографическую канву истории кампании 1916 г. на территории Добруджи, где русско-румынские войска, включая и Сербскую добровольческую дивизию, сражались против войск Четверного союза, основную силу которых составляла болгарская армия. Боевые действия в Добрудже, шедшие с августа по конец декабря 1916 г., являются одной из драматических и почти не известных в России страниц истории участия Российской империи в Первой мировой войне. В Болгарии, Румынии и других сопричастных странах кампания в Добрудже изучена и описана весьма подробно, однако в России, не в последнюю очередь по идеологическим причинам, она долгое время оставалась забытой и неизвестной. В.Б. Каширин в своем докладе представил некоторые итоги исследования обширного комплекса документов из фондов Российского государственного военно-исторического архива, относящегося к боевым действиям в Добрудже в 1916 г. Докладчик указал основные события той кампании в общем оперативно-стратегическом контексте военной борьбы на Балканах и на Румынском фронте Первой мировой войны, а также охарактеризовал условия, в которых протекала боевая и тыловая жизнь русских войск.

А.Ю. Тимофеев (Институт новейшей истории Сербии. Белград, Сербия) представил доклад на тему: «Революционный 1917 год в Рос-

сии в восприятии сербских дипломатов и политиков». Внешнеполитический курс Российской империи на Балканах в годы Первой мировой войны предусматривал их коренное переустройство после победоносного окончания боевых действий. Ликвидация монархии Габсбургов все же не предполагалась, сомнительным казалось и объединение православных и католиков в одном государстве. Соответственно рассматривался лишь вопрос о территориальном расширении Сербии. Идея создания единого внеконфессионального государства сербов и хорватов была популярна в либеральных кругах русской элиты, которые поддерживали в этом вопросе позиции Франции и Англии. Крушение империи Романовых стало катастрофой для русского народа, чье участие в Первой мировой войне потеряло смысл после отказа Временного правительства от борьбы за Прованс. Не менее катастрофическими (хотя и менее очевидными на первых порах) стали последствия Февральской революции для сербов, чьи ратные труды и жертвы также потеряли смысл, в силу утраты национального государства после создания государства сербов, хорватов и словенцев (СХС). Оставшееся без русского покровительства (в идеологическом, финансовом и силовом смысле этого слова) сербское правительство было вынуждено принять те рекомендации по устройству западных Балкан, которые давали либеральные круги Англии и Франции, заинтересованные в ослаблении немецкого и русского влияния на широком пространстве от Адриатики до Дуная. Так в «пробирке» родилось больное врожденными смертельными недугами искусственное дитя, получившее спустя десятилетие столь же «сконструированное» имя — Югославия.

Г. Милорадович (Институт современной истории. Белград, Сербия) в докладе «Политическая и пропагандистская деятельность сторонников хорватской и сербской государственных программ в России во время Первой мировой войны» изучил шедшую в эти годы в Российской империи «битву» представителей различных политических интересов: сербов (с одной стороны), хорватов и словенцев (с другой). В ней участвовали представители сербского правительства, члены Югославянского комитета, а также «чистые» хорваты — противники югославянского объединения. Российская общественность стала трибуной, на которой сербы и хорваты вели свою борьбу, однако русские мало понимали ее особенности. Основа этой конфронтации заключалась в том, кто будет «Пьемонтом» объединения южных славян — Белград или Загреб.

Н.А. Копылов в докладе «Австро-Венгрия и Россия на полях Первой мировой войны. История одного славянского мифа» развенчал легенду о сдаче в плен 28-го пехотного полка австро-венгерской армии «Пражские дети». Используя ряд архивных документов и современные публикации по данной теме, автор представил реальный ход событий и механизм

создания легенды, широко применявшейся в военно-политических целях австро-венгерским и русским командованием в годы войны, а также немецкими и чешскими средствами массовой информации — как в межвоенный период, так и в настоящее время.

Некоторые события XX века, века социальных потрясений, конфликтов и войн, нашли отражение в серии докладов, прочитанных Т.А. Покивайловой, Ю.В. Лобачевой, Н.В. Васильевой, Е.Л. Валеовой, Т.В. Волокичиной, Б.С. Новосельцевым, А.А. Силкиным и В.И. Косиком.

В докладе Т.А. Покивайловой «Бессарабия в центре конфликта между Советской Россией и Румынией и судьба румынского золота, перемещенного в Москву в годы Первой мировой войны» была раскрыта судьба румынского золота и драгоценностей, оказавшихся в годы Первой мировой войны в России. Румыния, вступив в 1916 г. в войну на стороне Антанты, вскоре начала терпеть неудачи. В течение короткого времени значительная часть ее территории была оккупирована войсками Германии и ее союзников. В таких условиях дирекция Национального банка Румынии приняла решение отправить золотой запас страны, драгоценности королевы Марии, ценные бумаги, а также фонды музеев и архивы Румынской академии наук в Москву. После захвата Румынией Бессарабии и разрыва дипломатических отношений с Советской Россией золотой запас Румынии был объявлен советским правительством неприкосновенным для румынской олигархии. В ответ на румынские демарши СССР выдвинул собственные претензии за огромные долги и имущество, которое было оставлено или разграблено на территории Румынии. В 1934–1935 гг., после восстановления дипломатических отношений между СССР и Румынией, последней были возвращены архивы, книги, часть драгоценностей, а в 1956 г. — все ценности, хранившиеся в Московском Кремле, кроме самого золота. Проблема возвращения румынского золота не решена до сих пор.

В своем выступлении Ю.В. Лобачева констатировала, что всестороннее изучение темы «Югославия в системе международных отношений в 1920–1930-е годы (Историографический аспект)» подразумевает анализ ряда проблем и вопросов, относящихся к политической и политико-дипломатической сфере отношений Югославии с другими странами, а также экономических, социальных и культурных связей югославы с народами других государств. Исследовательница попыталась ответить на вопросы: что в первую очередь интересовало советских и российских ученых, обращавшихся к истории международных отношений и внешней политики Королевства СХС/Югославии 20–30-х годов XX в., какие темы они прежде всего исследовали? В докладе был выделен и рассмотрен круг тех вопросов, в контексте которых отечественные специалисты изучали

внешнюю политику Югославии и ее международные контакты. При освещении российской историографии автором проводились параллели с югославскими/сербскими и западноевропейскими исследованиями.

Доклад Н.В. Васильевой «Черноморские проливы — императив российской/советской внешней политики в Восточном Средиземноморье: мифы и геополитические реалии (первая половина XX в.)» был посвящен рассмотрению многоплановой роли фактора Черноморских проливов в российской политике в указанном регионе с точки зрения обеспечения безопасности страны. Автором были отмечены причины, по которым Проблема Проливов приобрела в XX в. особое значение не только в мирное время, в силу экономических и торговых потребностей, но, в первую очередь, в периоды Первой и Второй мировых войн; раскрыты благоприятные для России/СССР возможные пути решения этих проблем; подчеркнута значимость действующей до настоящего времени международной Конвенции в Монтрё, подписанной 20 июля 1936 г., определены ее позитивные стороны для Российской Федерации и других причерноморских государств, а также существенные недостатки в современных реалиях.

Е.Л. Валева в докладе «К вопросу о внешней политике Болгарии в годы Второй мировой войны» показала, что возвращение Южной Добруджи в пределы Болгарии согласно Крайовскому договору в сентябре 1940 г. представляло собой крупнейший внешнеполитический успех болгарских правящих кругов, поскольку оно произошло мирным путем, в результате международной договоренности, и оказалось единственным территориальным приобретением Болгарии, сохранившимся за ней по окончании Второй мировой войны. Крайовское соглашение было, по мнению автора доклада, единственным международным договором, подписанным во время Второй мировой войны, который получил признание и одобрение всех великих держав, независимо от того, к какому из воюющих блоков они принадлежали: Германии, Италии, Англии (Франция уже была выведена из строя). Крайовское соглашение поддержал и нейтральный в тот период Советский Союз, хотя в Москве не могло не возникнуть недовольства по поводу того, что Болгария обратилась за непосредственной помощью к державам Оси, а не к СССР.

В докладе Т.В. Волокитиной «Болгарский вопрос на встречах союзников по антигитлеровской коалиции. 1943–1945 гг.» были представлены позиции союзников по антигитлеровской коалиции относительно Болгарии, рассмотрены роль и место этой малой балканской страны в планах послевоенного мирного урегулирования. При изучении этого вопроса автором были привлечены материалы встреч западных союзников в мае–сентябре 1943 г. в Вашингтоне, Нью-Йорке, Квебеке и министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в Москве (октябрь 1943 г.),

заседаний «большой тройки» в Тегеране (ноябрь-декабрь 1943 г.), встречи Черчилля и Сталина в Москве (октябрь 1944 г.), Потсдамской конференции (июль 1945 г.). Т.В. Волокитина пришла к выводу, что интерес западных держав к Болгарии во время войны имел временный характер и был связан с конкретными политическими целями, в то время как для советской стороны он являлся важной составляющей общей стратегии безопасности, нацеленной на установление контроля над Проливами и обеспечение выхода в Средиземное море.

Одной из самых «горячих» точек в мире с конца 1940-х годов остается Ближний Восток. Арабо-израильский конфликт превратил регион в очаг постоянной напряженности и привел к нескольким масштабным вооруженным конфликтам. Впрочем, в докладе Б.С. Новосельцева «Югославия и Ближневосточный кризис 1967 г.» речь шла не о самой Шестидневной войне (5–10 июля 1967 г.), закончившейся разгромным поражением армий арабских государств и унесшей жизни 30 тыс. человек, а о том международном «эхе», которое породил этот конфликт, в особенности — о позиции Югославии.

А.А. Силкин в докладе «“Великосербская гегемония” и участь “несербских народов” в Королевстве СХС/Югославия: От документов Коминтерна до современной российской историографии» отметил, что взаимоотношения русского и сербского народов на протяжении XX в. в значительной мере утратили национальный атрибут. На исторической сцене появились Югославия и Советский Союз. Наступила эра идеологии тоталитарной, в случае России/СССР, идеологии, предопределившей догматизм научных представлений об истории как отечественной, так и всеобщей. Ложная исследовательская парадигма обусловила невозможность ясного осмысления прошлого, определения и внятного изложения логики развития запутанных сюжетов межвоенной югославской истории. Поэтому достоверная реконструкция канвы событий и установление состава их участников так и остались непосильной для советских исследователей задачей. Повествование об истории Королевства СХС/Югославия сводилось к отделению «агнцев» от «козлиц» — деятелей, игравших «прогрессивную роль», от реакционеров и «эксплуататоров». Вторичность советской югославистики по отношению к югославской историографии предопределили как субъективные черты исследователей, так и факторы, от них не зависевшие. К таковым относились и ограниченный доступ к источниковой базе, и тот факт, что в СССР восприятие Королевства СХС/Югославия государственными, общественными, в том числе и научными, кругами формировалось под энергичным внешним воздействием еще тогда, когда происходившее в балканской монархии было не новейшей историей, а актуальной действительностью. В 1920-е годы в результате триум-

фа марксистской «науки» над наукой «великодержавной»/«буржуазной» роль «классово-чуждых» отечественных славистов оказалась во многом присвоенной деятелями болгарского, югославского, польского и чехословацкого коммунистических движений.

В.И. Косик в докладе «Национализм на Балканах» поднял сложный вопрос о современном состоянии балканского национализма, главным образом, на примере сербов и хорватов, — в сфере культуры, а именно, в театральной сфере, в области критики: от обличения «чужого» до «искривления» истории, от нового прочтения судьбы графа Вронского (героя романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина») до надежд на президента РФ В.В. Путина.

Завершил конференцию блок докладов, посвященных распаду Югославии и раскрытию причин этого процесса.

Е.Ю. Гуськова в докладе «Сербия: от идеи югославизма к идее сербства» подчеркнула, что идея общности судеб и исторического пути, получившая названия югославизма, распространилась среди всех славянских народов в конце XIX в. Роль лидера в национально-объединительном движении южных славян взяла на себя Сербия, ставшая не только центром антиосманского движения на Балканах, но и примером успешной борьбы за независимость. Королевство Сербия настолько прониклось идеей югославизма, что подняло стяг, на котором вместо слова «Сербия» было написано «Объединённое государство всех югославян». Идея жертвенности во имя югославянства, ощущение ответственности за судьбу других народов многонациональной страны — важные характеристики сознания сербов на протяжении почти всего XX века. Распад СФРЮ в 1991 г. дал Сербии шанс вернуть государственную самостоятельность вне рамок федерации, но она дольше других ее отстаивала. Особенностью политики Сербии было то, что она не стремилась к самостоятельности, а приобрела её под давлением Запада. Её заставили согласиться на самостоятельность, да ещё и на уменьшение территории.

В центре внимания И.В. Рудневой — многосложная и животрепещущая тема, а именно: «Территориальные споры республик бывшей Югославии: условия, методы, последствия». После распада СФРЮ между ее бывшими республиками разгорелись жаркие дискуссии о принадлежности им ряда территорий. Каждая из стран в конкретных исторических условиях вырабатывала свою тактику и стратегию, пытаясь решать этот вопрос самыми разными методами, от военных до дипломатических, от переговоров до давления и шантажа. Наиболее активно в территориальных спорах участвовала Республика Хорватия, также были озвучены интересы государств Союзной Республики Югославии (Сербии и Черногории), затем отдельно Черногории и Сербии, Республики Словении.

Урегулировать территориальные разногласия пытались как самостоятельно, так и с привлечением других государств, в рамках международных организаций и различных неправительственных структур, а также апеллируя к высшим арбитражным и судебным инстанциям.

В.А. Соколов в докладе «Республика Сербская Краина: могла ли она выстоять (1991–1995)?» проанализировал положение Республики Сербской Краины летом 1995 г. В исследуемый период она находилась под серьезным международным давлением, кроме того, неблагоприятно складывалась и военная обстановка. Всё это привело к ее уничтожению хорватскими войсками в августе 1995 г. Докладчик пришел к выводу, что в той ситуации у Сербской Краины не было возможности отстоять свой суверенитет.

Материалы конференции предполагается опубликовать в 2017 г. в очередном сборнике статей серийного издания Института славяноведения РАН «Славяне и Россия» с подзаголовком — «Проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю.А. Писарева».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Королюк В.Д.* Предисловие к сборнику избранных трудов И.С. Миллера «Исследования по истории народов Центральной и Восточной Европы XIX в.». М., 1980. С. 17.

² *Писарев Ю.А.* Шесть десятилетий на троне: черногорский монарх Николай Петрович Негош // Новая и новейшая история. 1991. № 6. С. 113–132.